

ЗИНАИДА КУЗНЕЦОВА

ВЗРОСЛЫЕ ЛЮДИ

РАССКАЗЫ

НАПРОТИВ ЁЛКИ

Двенадцатилетний Дима заявил родителям, что всё знает.

— Что ты имеешь в виду? — Папа отпил чай из кружки.

Суббота. За окном мирно падали огромные белые хлопья. Румяная мама стояла у духовки и ждала, когда та звякнет — имбирное печенье будет готово. А рядом с мамой на полу лежал Джим — чёрный пудель, её верный спутник, завитки которого давно покрылись сединой.

— Да ладно вам! Вы думаете, я не видел красный мешок якобы Деда Мороза, который у бабушки в шкафу спрятан? Знаю я, что вы свет за минуту до боя курантов выключаете не для красоты, а чтобы незаметно было, как дядя Павлик этот мешок тащит к ёлке из этого шкафа. Так что я всё знаю. Имейте в виду! Можно, теперь я буду сидеть с вашей стороны стола, лицом к ёлке? Ну, я ведь всё уже знаю, я взрослый, чего комедию ломать! А с вашей стороны телевизор лучше видно.

Мама подошла к папе. Джим тут же вскочил, прошёл за ней и сел, привалившись боком к её ноге. Родители как-то расстроено переглянулись. Звякнула духовка, но внимания на неё никто не обратил.

— Ну, раз взрослый... — начала мама.

— Ну, раз взрослый и раз знаешь, — пожал плечами папа, — зачем, действительно, комедию ломать.

Дима ликовал. Взрослый! Он взрослый!

Когда тридцать первого декабря все семья традиционно собралась под крышей большого деревянного дома, построенного ещё в начале прошлого

КУЗНЕЦОВА Зинаида Андреевна родилась в 2001 году в Воткинске. По окончании школы поступила в Литературный институт имени М. Горького, где и учится по сей день в семинаре А. Ю. Сегеня. Живёт в Ижевске. Публикация является дебютной.

столетия их предком, Дима торжественно отодвинул стул со “взрослой стороны” стола и сел напротив ёлки. Его десятилетняя сестра Маша удивилась:

— А почему ты там?

— По кочану.

Детям никогда не позволялось сидеть лицом к ёлке, и Дима верно вычислил причину.

— Мама! — надулась Маша. — А почему Дима с вами сидит?

— Мест не хватает с вашей стороны, Машунь. Настя ведь подросла — в общей сумме, если считать двоюродных братьев и сестёр Димы, в семье росло семь детей. — Ей теперь хочется с вами сидеть, и Дима как взрослый мальчишка уступил.

Маша недоверчиво посмотрела на Диму, а он показал ей язык.

Когда президент уже заканчивал свою речь, а родители привычно выключили весь свет в комнате и осталась гореть только гирлянда на ёлке, Дима обрадовался и заволновался. Сейчас, через несколько мгновений, он, наконец, увидит, как всё происходит!

Но вот, началось! Куранты бьют.

Дима замер, наблюдая, как мама встаёт за спинами детей, чтобы они из любопытства не оглянулись на ёлку раньше времени. А дядя Павлик с трудом, но всё-таки бесшумно достаёт из старого шкафа, стоящего прямо тут же, в гостиной, тяжёлый, огромный красный бархатный мешок и быстро кладёт его под ёлку.

Да! Вот теперь он, Дима, взрослый. Одно дело знать, а другое — увидеть своими глазами. Теперь точно всеми признанный взрослый! Дима насмешливо смотрел на детей, которые, завидев толстый, набитый подарками мешок, с радостным визгом бросились к нему.

— А почему Дед Мороз всегда так быстро убегает?

— У него очень много дел. Надо же всем деткам подарки раздать.

Смехота! Дима снисходительно покачал головой. Как глупо! А он когда-то такой же был! Как замечательно, как прекрасно сидеть между папой и бабушкой, напротив всей этой малышни с наивным взглядом. Ему даже предложили немного шампанского! И вместо Машкиной болтовни он слушает негромкие рассуждения бабушки и папы о чём-то серьёзном.

И всё-таки интересно, что в этом году лежит в мешке для него? Дима пытался держаться, не думать о подарке, даже подвинулся поближе к папе, чтобы внимательнее слушать разговор, но взгляд его то и дело убегал к ёлке.

— Очевидно, что, как в 90-х, точно не будет, — папа.

“А если там новый телефон?”

— Да, да... — бабушка.

“А может, приставка?”

— Понимаешь, да? Предпосылок тех нет, экономика другая...

“О, а если!..”

Дима не выдержал, подошёл к другим детям.

— Гироскутер! Вау! — Дима с восторгом посмотрел на маму. Она улыбнулась.

Ему захотелось прыгать — так велика оказалась радость, — но он сдержался, напомнив себе, что вообще-то сидит по другую сторону стола отныне.

Когда Ваня, двоюродный Димин брат, попросил гироскутер, чтобы покататься по коридорам дома, Дима отказал. Это его подарок! А Ваня обязательно что-то сломает. Ваня попросил ещё раз. Дима снова отказал. А когда он увидел, как Ваня, решив в этот раз не тратить время на пустые разговоры, стоит на гироскутере, налетел на него и поколотил. Их разняли.

Ближе к двум часам ночи Диме написали друзья. Они собирались на центральную площадь. Там обещали городской салют.

— Можно? — спросил Дима у папы.

— Нет, конечно. Ночью ходить опасно. Чуть-чуть подрасти ещё.

— Если ты забыл, я не ребёнок уже. Имею я право побыть с друзьями? Мне здесь скучно!

Папа стал суровым:

— То, что ты чуда себя лишил — это не о взрослости твоей говорит, а о глупости. Ни на какую площадь ты не пойдёшь, это я уже сказал. Тема закрыта.

Дима обиженно пнул стул и ушёл наверх.

* * *

Дима хмурился и зевал. Мысли о сегодняшнем дне в школе его не радовали. Перед летними каникулами все учителя как с цепи сорвались. Контрольные...

И манка невкусная! Несладкая! Дима отодвинул от себя тарелку и стал смотреть на последнюю конфету. Их вообще-то две оставалось, но свою он только что съел, а эта для Машки. Она как раз зубы чистит. Услышав шаги сестры, Дима быстро схватил конфету и спрятал в ладонь. Маша пропажу заметила быстро.

— Дима, где?

— Съел!

— Дима!

— Съел, я тебе говорю!

— Мама!

Мама, кутаясь в свитер, зашла на кухню. За ней, как всегда, тяжело вздыхая от старости, шёл Джим. Он сильно сдал за последние месяцы, почти оглох и совсем ослеп.

— Что случилось? — спросила она.

— Дима у меня конфету забрал!

— Ой, ябеда! — сказал Дима.

— Дай конфету!

— Я же говорю, что съел её.

— Дим, правда съел, что ли? — спросила мама и закашляла.

Ей нездоровилось уже несколько дней. Дима хотел продолжать упорствовать уже назло, но бросил быстрый взгляд на маму и вспомнил, как папа утром говорил ей: “Слушай, тридцать восемь и пять, это уже никуда не годится. Я вызвал тебе врача. Лежи сегодня, не вставай. Я приеду в обед и выведу Джима”, — и Диме вдруг стало стыдно упрячиться.

— На, нюня, не ел я. — Он бросил конфетку на стол.

Из школы Дима вернулся довольный.

— Mam! — крикнул он с порога. — Я только портфель бросить забежал, мы в кино с классом собрались, там сеанс начнётся вот буквально через пять минут. Ой, мам, а ты чего?

Маму Дима нашёл в гостиной, она надевала на Джима ошейник.

— А разве папа не приезжал его вывести?

— Приезжал, — слабо отозвалась мама, — только мы ведь Джиму таблетки даём, они на почки влияют. Он на улице стал проситься чаще. Как контрольные?

— Написал, лёгкие. Оценок ещё нет, но я знаю, что нормально там всё.

— Ну, хорошо. Ты беги в кино, опоздаешь.

Дима нерешительно застыл в дверном проёме. Он смотрел на дрожащую, видимо, из-за высокой температуры маму. Но ведь кино скоро начнётся... Его друзья ждут. И даже на попкорн с колодой карманных денег в этот раз хватает! Если он задержится, ему уже не успеть ничего купить к началу фильма, а Джима выгуливать долго. Он старенький, медленно ходит. Хорошо, если удастся хотя бы к середине фильма прийти.

Мама снова кашлянула и поверх водолазки натянула тёплый свитер.

— Mam, — преодолев себя, сказал Дима, — давай я его выведу. Чего ты... болеешь ведь.

Мама улыбнулась:

— Всё хорошо, беги в кино. Это тот фильм про супергероев, которого ты ждал с прошлого лета?

— Он, да.

— Иди обязательно тогда. Опоздаешь.

Дима бросил взгляд на часы. Он ведь предлагал, а мама сама отпустила... После кино они с друзьями погулять хотели. Весело будет! Солнце уже яркое, тёплое. А фильм точно хороший, Дима не сомневался! И потом — если он сейчас не пойдёт, придётся завтра тащиться одному. Друзья второй раз не захотят смотреть.

Дима бросил на маму извиняющийся взгляд и выбежал в подъезд.

* * *

Окна в квартире — настезь.

Июльский ветер треплет лёгкие ажурные занавески. С улицы доносятся детские крики. Машка там тоже где-то бегает.

Дима играл на компьютере у себя в комнате и обратил внимание на противный звонок домофона, только когда мама крикнула:

— Дима! Открой, пожалуйста. Я бельё развешиваю.

Пришлось прерваться.

— А это что, папа так рано вернулся? — спросил он у мамы громко, повернув ключ в двери.

— Нет, — мама показалась в коридоре. — Техник. Стиральная машина сломалась.

Потеряв всякий интерес к происходящему, Дима вернулся к себе. Поиграв ещё минут пятнадцать, он вышел из комнаты, чтобы попить воды. И, проходя мимо ванной комнаты, услышал:

— А вы кем работаете?

— Бухгалтером вообще, но сейчас пока не работаю, — негромко сказала мама.

— А руки у вас, как у прачки. Красные такие, как раки. Знаете, большие... Я недавно тоже на вызове был. Так там девушка — белоручка! Ручки такие, заглядение!

Дима поднял брови от изумления и даже остановился. Дверь ванной открылась, мама вышла в коридор с опущенной головой. Когда заметила Диму, тихо спросила:

— У меня, что, правда, руки такие ужасные?

Дима и хотел бы соврать, но ведь костяшки и пальцы действительно краснели, словно мама всю зиму без перчаток проходила. Он так и сказал ей, но тихо, смутившись.

— А почему они у тебя такие? — добавил он. — Это ведь недавно... Болеешь?

Мама спрятала руки за спину:

— Я вещи Джима стирала, миски мыла в холодной воде. Горячую же отключили...

— А-а-а, — протянул Дима.

Пить всё-таки хотелось. На кухне он набрал воду в стакан, но ко рту его не поднёс.

Замер.

Перед глазами пронеслась прошлая пятница. Родители похоронили Джима на даче. Потом мама весь день спала. А ночью, когда Дима встал вот так же, чтобы попить воды, увидел, что дверь в ванную приоткрыта. Полоска света лежала на паркете. В квартире тишина. Он подкрался, а там, в ванной комнате — мама тихо плачет! Стирает руками в тазике лежанку Джима и его любимую игрушку — одноглазую, общипанную за столько лет курицу, — а спина её трясётся от слёз и всхлипываний.

Дима со стуком поставил стакан на кухонную тумбу и быстро вернулся. Мама удивлённо посмотрела на него, когда он резко открыл дверь в ванную комнату и сказал высокому крепкому небритому мужчине:

— Уходите отсюда.

Тот удивился. Не понял.

— Уходите, говорю, — повторил Дима. — Нам ваши раки тут не нужны. Техник пожал плечами, хмыкнул насмешливо, вышел в коридор и стал обуваться. Но из квартиры не вышел:

— Никуда я не уйду, пока вы мне не заплатите, — сказал он. — Это так не выйдет у вас. Я своё дело делать готов, это вы своего мальчика успокоить не можете. А мне что, деньги терять? Нет, не выйдет у вас!

— Я вам оплачу дорогу и эти пятнадцать минут работы.

— Нет, хозяйка, вся сумма, или я никуда не уйду, — и он нарочно развалился в кресле, которое стояло в прихожей.

— Берите и уходите, пожалуйста.

— Тут не вся сумма. Я что-то говорю непонятно, что ли, хозяйка?

Дима злился с каждой минутой всё больше. Он и забыл, что техник больше его раза в три, — только сжимал кулаки, готовый в любой момент броситься на него. Мама, видимо, поняла это и положила тёплую руку Диме на плечо.

— Я добавлю ещё сто рублей, но больше ни копейки. Берите и уходите, пожалуйста. Покиньте мой дом, иначе я позвоню мужу. Он полковник полиции. Берите уже деньги, пожалуйста, и уходите!

Напуганный званием Диминого папы, техник выхватил деньги. Протянул квитанцию:

— Распишитесь, что работу приняли.

Мама нервно поставила подпись. Техник взял квитанцию и нагло хлопнул дверью.

— Детский сад... — покачала головой мама.

— Мам, — позвал Дима.

— Да?

— Хочешь, я сам найду другого техника? И в магазин за кремом для рук сбегаю, хочешь?

* * *

В декабре Дима снова занял своё место напротив ёлки, на “взрослой” стороне, но уже не потому, что ему действительно этого хотелось. Мест не хватало, а сажать других детей лицом к ёлке было никак нельзя, и Дима спокойно, без слёз и истерик, уступил своё место.

Потушили свет. Только гирлянда мигала. Дима услышал, как Маша тихо шепчет Ване:

— Вот смотри, сейчас обернись тихонько. Увидишь, что это не Дед Мороз.

Улыбающаяся мама на своём посту — за спинами детей, но пронырливая Машка и любопытный Ваня изворачиваются, изворачиваются... Дима бросил взгляд на дядю Павлика — он почти дошёл до шкафа!

— Машка, Маша! — позвал Дима сестру.

Та сначала отмахнулась, а потом всё-таки недовольно спросила, повернувшись к нему:

— Ну, чего?

— Ты знаешь, почему пираты ходят такие некрасивые, с повязкой на глазу?

— Почему?

Ваня тоже заинтересовался и на секунду про ёлку забыл.

— Потому что они много пьют, и им в глаза часто пробки от шампанского попадают, — Дима мотнул головой в сторону дедушки, который как раз собирался открыть бутылку. — Если тебе попадёт, будешь тоже...

— Что?

— А вот. Без глаза. Пираткой.

Маша вся сжалась, вмиг забыв про разоблачение родителей. Теперь они с Ваней прятали головы под столом, как страусы. Довольный собой Дима стал смотреть, как дядя Павлик одним ловким движением вытащил из шкафа набитый подарками мешок и положил под ёлку.

Часы пробили полночь, зазвенели бокалы.

Дима вышел из-за стола, легко дёрнул Машу за платье, как бы подавая знак, что опасность миновала, и направился к ёлке с замирающим от восторга сердцем: “Интересно, что Дед Мороз принёс в этом году?”

ВЗРОСЛЫЕ ЛЮДИ

Октябрь. Промозгло. Я едва успеваю запрыгнуть на первую ступеньку старого, не отремонтированного с советских времён трамвая перед тем, как двери с шумом сталкиваются. За стёклами дверей замелькали дома.

В салоне — не протолкнуться. Сегодня ощутимо похолодало, даже лужи покрылись тонкой корочкой льда, поэтому главными пассажирами, которые занимали всё место, были пальто и куртки. Я поднимаюсь ещё на одну ступеньку, да так и остаюсь стоять — прижавшись спиной к кабине водителя.

Устала. На первой встрече заказчики сказали: “Мы за минимализм и простоту!” — а посмотрев проект, предложили: “А вы не хотите добавить побольше вензелей?” Философская мысль: “У всех свои вкусы”, как оказалось на деле, из рук вон плохо успокаивает художника, чётко понимающего, что можно отнестись к прекрасному, а что — нет. На встрече через пару недель заказчики переглянулись и с застывшей улыбкой сказали: “Очень мило!” — а потом перестали отвечать на сообщения. Если бы мы были в фильме Хичкока, я бы их придушила.

Трамвай едет неаккуратно. Всех то резко бросает вперёд, то откидывает назад. В большие окна не посмотреть — их даже не увидеть из-за толпы. А толпа нескончаемая, в тёмных куртках. Чтобы пробраться к выходу, все друг друга пихают. Мне вдруг подумалось о Петербурге Достоевского, и стало совсем грустно.

Казалось бы — язык наш, человеческий, — замечательное достижение эволюции. И сказать пять слов: “Нам не нравится, давайте исправлять”, — несложно. А нет, для кого-то недостижимая вершина. Моя бабушка — женщина общительная, и её сосед-священник часто пьёт у неё чай. Я как-то спросила у него: “Вот скажите, Бог создал людей, так? А взрослые среди них есть?” Он засмеялся. Подумал, я шучу.

Наушники я оставила дома, поэтому в трамвае бездумно смотрю на свои ботинки. Зелёные. А пальто бежевое. Позорище какое! Как люди вообще мне свои интерьеры доверяют?

Где-то рядом играет мелодия вызова на телефоне, но человека я не вижу, наверно, он за девушкой, которая стоит прямо передо мной. Юношеский высокий картавый голос отвечает:

— Да, привет...

В ответ заговорила женщина. Голос её — высокий и злобный. Динамики на телефоне хорошо работают, поэтому я и все в передней части трамвая почти разбирают, что говорит его собеседница.

Мальчик слушает. Дождавшись паузы, отвечает:

— Я понимаю, извини. Я понимаю... Мне правда жаль. Я не хотел, чтобы ты расстраивалась, я просто опаздывал, я уберу...

Противный голос что-то визжит. Но получает по-прежнему спокойный ответ:

— Мне очень жаль, правда, давай не будем ссориться. Зачем ссориться?

Я поняла, что ошиблась. Всё-таки говорит не мальчик, а мужчина, просто у него голос высокий и дикция не очень чёткая, поэтому речь похожа на детскую.

Женский голос продолжает оглушать всех, кто стоит около мужчины, а в ответ раз за разом звучит доброе, но уже с нотками волнения:

— Давай не будем ссориться, мне очень жаль. Я всё уберу сам... Я понимаю, что ты устаёшь, я виноват...

Женский голос в последний раз берёт высокую ноту и обрывается.

Сбросила.

В салоне сразу становится тихо и даже хорошо. Оказывается, я вся

сжалась, как в детстве, когда поняла, что мне предстоит серьёзный разговор после того, как никого не предупредила и ушла на весь день к подружке.

Через несколько секунд начинается снова:

— Ну, прости меня, пожалуйста...

Минута визга и в конце отчётливо:

— Я сказала, чтобы ты уже отстал от меня!

А в ответ дрогнувшим голосом:

— Давай успокоимся и просто поговорим. Давай не будем ссориться. Зачем ссориться?

Она снова сбрасывает, а он снова перезванивает, и всё по новой:

— Давай успокоимся. Я понимаю, что виноват. Зачем ссориться из-за ерунды, можно ведь всё обсудить. Я вот как раз домой еду. Приедем, и мы поговорим, хорошо?

Господи, скорее бы уж моя остановка!

Он снова перезванивает ей. От её громкого голоса даже я, стоящая далеко от телефона, морщусь. Давно пора сказать: “Хватит визжать!” Но я думаю, что они оба стоят друг друга. В конце концов, зачем столько раз перезванивать?

Трамвай, наконец, останавливается. Я вся подтягиваюсь и собираюсь, готовясь вывалиться из салона, когда слышу всё ещё спокойное, но одновременно и пропитанное отчаянием:

— Мама, давай спокойно поговорим, зачем ссориться?

В изумлении я оборачиваюсь. Так всё же мне не показалось, и это не юноша, а мальчик?

В эту секунду двери трамвая разъезжаются. Поток людей выносит меня на улицу, но перед тем, как двери снова с шумом сталкиваются, я успеваю оглянуться и увидеть мальчика, который держит телефон больше его ладони и повторяет:

— Давай всё обсудим спокойно. Зачем ругаться? Я приеду, и мы всё обсудим, мамочка...

Трамвай уезжает.